

Галина Юхманкова

ПОРТРЕТЫ

Галина Юхманкова

Портреты

«Автор»

2008

Юхманкова Г.

Портреты / Г. Юхманкова — «Автор», 2008

Небольшие очерки и наблюдения из настоящей и прошлой жизни, заметки и люди с их неповторимыми характерами и судьбами. На обложке книги фото автора.

© Юхманкова Г., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Старик	5
Искра	7
Сашенька	9
Лизавета	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Галина Юхманкова

Портреты

Старик

Старик лет восьмидесяти вошел в городскую поликлинику, по своей нищете и неприветливости похожую на дореволюционные больницы российского захолустья. Лифт, разумеется, не работал; он вообще существовал здесь в качестве единственного признака эпохи технического прогресса. С трудом преодолевая одышку и боль в груди, которые мучили его уже неделю, старик поднялся на третий этаж и остановился в замешательстве. У него, вероятно, сложилось впечатление, что все его сверстники сегодня, словно сговорившись, вместо марш-броска по рынку решили навестить участкового врача.

В больнице был лифт, а вот посадочных мест для посетителей около кабинетов было явно недостаточно; их было раза в три меньше, чем самих посетителей. Вероятно, у города не хватило на поликлинику стульев, а может быть, их давно растащил медперсонал, ведь и на даче тоже нужно на чем-то сидеть. Толпящиеся в холле посетители по своей задумчивости и растерянности напоминали прихожан местной церкви, ожидающих окончания литургии и начала исповеди. Они стояли и вспоминали все свои грехи, ведь православная христианская традиция считает почему-то, что стоя лучше думается.

Потоптавшись немного у лестничного пролета, старик все же прошел к кабинету № 333, занял очередь, потом отошел и встал, подперев спиной стену в единственном еще свободном месте. Случись вдруг землетрясение, единственным уцелевшим зданием в городе была бы поликлиника, или, по крайней мере, ее стены, укрепленные спинами бывших передовиков соцтруда, мастеров производства, сильными еще пенсионерами.

Прошло полчаса. Никто не входил и не выходил из кабинета, старик стоял молча, изредка задерживая дыхание, когда боль становилась невыносимой. Сидевший на единственной банкетке, среди представительниц прекрасного пола мохнатых годов рождения, мужчина лет тридцати пяти встал со своего места, подошел к старику, и предложил ему присесть. Старик покорно сел на свободное место, и в его выцветших почти до белого цвета глазах показались слезинки. Они попытались было скатиться по щекам, но седая щетина и изрытые морщинами скулы старика не позволили сделать этого. Слезинки бесследно растворились в почти вековых рывтинах стариковского лица.

Мимо прошел молодой парень в медицинском халате. Старик с трудом приподнялся и поспешил, насколько позволяли спешить его одряхлевшие ноги, за ним. «Сынок, мне бы кардиограмму сделать, сил нет, сынок, сердце болит» – неуверенно-вопросительным тоном и как-то стеснительно пролепетал старик. Парень задержался, наискось и безразлично глянул в старикову сторону и буркнул, мол, пойдете к участковому врачу, тот даст направление, и тогда вас допустят на ЭКГ. Сказано это было так, что старик безоговорочно понял: путь в святилище под названием «ЭКГ» лежит только через предварительное посещения жреца по имени «Участковый врач».

Прошел час. Из кабинета наконец-то выплыл посетитель, минут через сорок – следующий. Они выходили с такими удивленными и опустошенными лицами, как будто вместе с врачом все это время пытались решать одесские ребусы.

Старик сидел на своем месте неподвижно, больше никто не обращал на него внимания. Он сидел и смотрел впереди себя невидящим взглядом. В молодости он был, вероятно, очень красив. Тонкие аристократические черты лица, несмотря на возраст, до сих пор сохранили неуловимое изящество. Глубоко посаженные глаза, в которых раньше плескалось голубое небо,

теперь стали почти незаметными под покрасневшими нависшими веками. Некогда тонкий прямой а нос превратился в бульбу. Седые волосы были аккуратно подстрижены на довоенный манер в стиле «Полька». Он был довольно нелеп в пиджаке с сыновнего плеча, достаточно дорогого, но крайне поношенного, в его же брюках и кроссовках «Адидас». О чем он думал?

Когда-то он отличался недюжинной физической силой, ему даже дали прозвище «Ломовой». Девушки млели от его улыбок, он млел от их внимания. Его считали успешным человеком, у него был свой дом, в эпоху застоя он привозил жене из зарубежных командировок предметы мелкобуржуазной роскоши: шелковые халаты, бархатные ковры невиданной красоты, такие же скатерти, сыновьям – велосипеды. Жена давно умерла, сыновья разъехались. Куда все ушло? Почему так быстро?

Или же он вспоминал Отечественную войну, которую прошел почти до Берлина, команду взводом артрязведки, вспоминал своих сверстников, которых разрывало снарядами у него на глазах.

О чем он думал, никто уже не узнает.

Когда, наконец, подошла его очередь посетить кабинет № 333, он не поднялся со своего места. Он умер. В страхе, как испуганные куры, метнулись от него соседи по банкетке, а он все так же смотрел впереди себя невидящим взглядом.

Искра

Искра была бойкой и сообразительной девочкой, она выделялась среди других детей лучистостью и заразной энергией. На самом деле ее звали по-другому, а единственная любимая бабушка, которой она лишилась в 10 лет, звала ее Белочкой за прекрасные льняные волосы. Только повзрослев, Искра поняла, почему она так любила свою бабушку. Потому что бабушка любила ее. Любила, отбросив всякий академизм и правила воспитания. Не боялась, как мама Искры, ласкать и тискать девочку, позволяла съедать всю клубнику из компота и прыгать на пружинной кровати до потери пульса, жалела и плакала вместе с ней, когда у Искры случались отвратительные приступы аллергии, и лицо становилось похожим на изрытый морщинами апельсин.

Аллергия была, пожалуй, единственным моментом, омрачавшим детские годы Искры; девочка с младенческой непосредственностью переносила жуткие приступы, риниты и отеки Квинке. Как и многие дети, страдающие болезнью с самого рождения, она не представляла себе другой жизни, жизни без забот, когда можно съесть ананас и не бояться за последствия. Правда, она здорово обижалась, когда сверстники, увидев ее опухшее лицо, дразнили ее разными гадкими словами. Искра сильно страдала тогда, но не показывала виду, поскольку уже в свои пять лет знала о жестокости детских коллективов: прояви слабость, покажи слезы, и ты погиб. Она и сама, подсознательно защищаясь, иногда дразнила и обижала какого-нибудь застенчивого ребенка, завидуя его умению красиво слепить белочку или сшить ежика. Эта агрессия помогла ей самоутвердиться в детском коллективе, почувствовать себя уверенней, несмотря на болезнь.

Обиду детской психике Искры наносило еще и то, что весной на даче она не могла, как все ее двоюродные братья и сестры, кувыркаться в бескрайних, желтых как солнце, одуванчиковых полях, не могла уткнуться носом в пушистую вербу, а летом не могла скакать по стогам высушенного сена. Для Искры это было табу. Постепенно она свыклась с мыслью о том, что не такая, как все дети; это положило начало ее скованности и ощущению неполноценности.

Вторым неприятным моментом в жизни Искры стало печальное осознание того факта, что ее семья, семья советских инженеров, по сути, нищая. Родители живут на одну зарплату, постоянно занимая деньги у состоятельных знакомых и отказывая себе во всем. Еще в раннем детстве, приезжая в гости к своей богатой тете, Искра поражалась обилию и разнообразию продуктов, многие из которых вообще видела впервые. Тогда она искренне не понимала, почему двоюродные брат и сестра выбрасывают в сарай практически новые ботинки или сапоги, у которых всего лишь вышла из строя молния или оторвался язычок. Почему родители не ругают их за пропавший велосипед, а они не боятся оставлять дорогие игрушки на улице как попало, даже не вспоминая о них. Все это приводило наивную Искру в огромное недоумение, и только позже она поняла, что есть семьи, где можно себе позволить такие вещи, и семьи, где такое невозможно было даже и представить. В семьях второго типа, к которому принадлежала семья Искры, даже слово «деньги» считалось совершенно оскорбительным и оскверняющим все кругом.

Родители Искры считали, что деньги в жизни вовсе не главное. Наверное, потому, что у них денег никогда не было. А если чего-то нет, не стоит и расстраиваться. Родители были типичными представителями советской интеллигенции, ленивой, безвольной и безропотной, осуждавшей всякого рода «рвачество» знакомых, которые подрабатывали где только можно, чтобы купить машину или дачу. Родителей устраивало то, что у них в семье все, как у всех: квартира, полученная от государства, двое детей, кошка, бабушкин огород и дедушкин дом. Правда, они пошли в отрыв от соседей, отдав Искру учиться музыке и купив ей в кредит пианино. Однако очень скоро соседи подтянулись, приобретя и своим детям такие же инструменты

и отправив своих чад в музыкальные школы. И снова все стало, как у всех. Правда, Искре и ее младшему брату иногда перепадали хорошие иностранные вещи, которые покупала их богатая тетя и которые, к примеру, не подходили ее детям. Тогда-то Искра и начала понимать, что такое счастье, когда ты идешь в импортных джинсах и кофточке, как у детей из прибалтийских советских кинофильмов, и на ногах у тебя самые замечательные на свете кроссовки. Ты чувствуешь себя уверенно и раскрепощенно, даже с некоторой долей превосходства. Конечно же, Искра была счастлива и без этих шмоток, когда, например, отправлялась кататься с родителями на лыжах, когда были летние каникулы, и еще много-много раз. Но все это счастье было совершенно обыденным и не воспринималось всерьез.

В школе Искра училась, как все, была твердой хорошисткой, осмотрительно держала нейтралитет в отношениях с ботаниками, хулиганами или местными шалавами. Общественная деятельность, которую она вела в детском саду, участвуя на первых ролях во всех новогодних спектаклях и представлениях, постепенно сошла на нет. Искра все еще лучше всех читала героические описания советских поэтов на слетах юных пионеров и бесконечных торжественных линейках, посвященных Дню Победы. Однако к старшим классам это была уже не та задорная Искра, какой знала ее любимая бабушка. От прежней Искры осталась лишь оболочка, Искра потухла, сморщилась и старалась жить как можно незаметнее. Она не помнила, как и почему это произошло, возможно, во всем был виноват пресловутый переходный возраст, когда у открытых и впечатлительных детей вдруг появляются комплексы неполноценности. А ведь Искра всегда считала себя слишком полной и ужасно некрасивой. Мама говорила ей, что она совершенно обычная и никогда ни за что не хвалила, понижая тем самым самооценку девочки. Хотя, скорее всего, у Искры просто исчезло по-детски восторженное восприятие мира, хотя до конца своей жизни в глубине души она оставалась открытой и наивной девочкой в розовых очках.

Поступив после школы в МГУ, Искра до третьего курса оставалась крайне скованной и зажатой. Она не могла смотреть на свое безобразное отражение в витринах магазинов, с завистью любовалась раскрепощенными и умеющими себя подать однокурсницами. Лишь после того, как на нее стали обращать внимание молодые люди, Искра почувствовала себя уверенней, в ней появился какой-то шарм. Она больше не стеснялась своего отражения в окнах метро, однако за ней все еще никто не ухаживал. Мама никогда не учила Искру, как нужно держать себя с мужчинами. Такой темы, как секс и взаимоотношения полов, дома вообще не поднималось, ведь это была интеллигентная семья. Даже о том, как именно появляются дети, Искра узнала только в пятнадцать лет своих одноклассниц, причем в довольно пошлой форме. Первые поцеловавшись в двадцать один год, в двадцать три она твердо решила, что нужно взростеть и стала женщиной, закрутив роман с сотрудником компании, в которой работала. Как и все тонкие натуры с крайне заниженной самооценкой, Искра, не получившая в детстве достаточного количества тепла и ласки, стала крайне податлива на любые проявления интереса к ее скромной персоне. Поэтому она немедленно приняла первые в ее жизни серьезные ухаживания абсолютно несимпатичного и довольно оригинального молодого человека, с которым познакомилась совершенно случайно. И который на поверку оказался банальным фанатиком-ортодоксом, пытавшимся запретить Искре надевать платья желтого, оранжевого и иных неправославных и подозрительных расцветок.

Расставшись с ним, Искра вдруг получила неожиданный подарок судьбы: ее пригласили в крупную компанию на прекрасную должность с хорошей зарплатой. Университет к тому времени был окончен, и Искра с головой ушла в работу, тем более, что деловую карьеру она предпочитала семейной. Через год ей доверили вести дела небольшого дочернего предприятия, а еще спустя полтора года она погибла в автомобильной катастрофе, возвращаясь с работы домой. Искра не оставила после себя ничего, кроме хороших отзывов, теплых воспоминаний и груды искореженного металла на обочине подмосковного шоссе.

Сашенька

После школы Сашенька Лазарева не поступила в Историко-архивный институт. Конечно же, она чувствовала, что совершенно не подготовлена к экзаменам, хотя и посещала подготовительные курсы, будучи крайне целеустремленной барышней. Провалив вступительные экзамены и на следующий год, Сашенька заметно приуныла. Тут ее и подловила мама, женщина умная и интеллигентная, прошедшая в долгих духовных исканиях типичный для советского инженера путь от йоги к православию. Внушив наивной Сашеньке, что та никуда не поступит без обращения к Богу, мама стала брать Сашеньку с собой на воскресные литургии. Поскольку к Богу обычно обращаются люди слабые духом, немощные или сломленные несчастьем, Сашенька, с ее позитивным взглядом на мир и неумной энергией, долгое время чувствовала себя крайне неуютно в этом экзотическом коллективе. Постепенно к ней пришло осознание того, что отрешение от мира и благ цивилизации очень даже удобная штука, особенно для стеснительных, неуверенных в себе и ленивых. Не нужно за собой ухаживать, посещать салоны красоты и следить за питанием, дабы не растолстеть. Ведь здесь, под сводами церкви, приветствовалась только естественная красота. Не нужно модно одеваться, ведь это огромный грех. И, сама не заметив как, Сашенька втянулась в этот расслабленный ритм жизни, предполагавший лишь смирение и послушание во всем. Сашенька привыкла к церковной жизни, она медленно поплыла по ее течению, не забывая, однако, готовиться к вступительным экзаменам.

Экзамены были сданы, и на протяжении всех лет обучения Сашенька исправно посещала церковь, поскольку это помогало отстраниться от суеты и тревог перед экзаменами; отрешенность от мира способствовала сохранению душевного равновесия. Однако в один прекрасный момент Сашенька вдруг осознала, что воспринимает всех нецерковных, а тем более не православных людей как своих злейших врагов, врагов истиной церкви и России в целом. Ведь об этом были все церковные проповеди, об этом говорилось в Евангелии, об этом шептались между собой прихожане. Но Сашеньке вовсе не хотелось ненавидеть людей только потому, что они не ходят в церковь и не соблюдают ее законов. Она просто не имела на это права. Разочаровала Сашеньку и довольно неприглядная изнанка церковной жизни, склоки и дразги церковнослужителей, радостно давящих друг дружку на пути к обретению сана или выгодного в материальном плане прихода. Это окончательно разрушило тот идиллический мир, который Сашенька поначалу боготворила. Постепенно охладев к церкви, она занялась серьезной работой, получив хорошую должность в крупной московской фирме. Выйдя замуж и с огромными сложностями родив первого ребенка, Сашенька вдруг столкнулась с неимоверной злобой и агрессией, исходящими от ее церковной матери. Обозленная охлаждением дочери к религии и церкви, та всеми силами принялась оказывать на Сашеньку моральное давление, утверждая, что все Сашенькины беды от того, что она уже очень и очень давно не причащалась. И поэтому ей, Сашеньке, так и надо. Нужно соблюдать все церковные традиции, иначе никак. Сашенькина мать, у которой находилось много ласковых слов для невинно убиенной царской семьи и прочих несчастных, жестоко погубленных большевиками, ни разу не выразила дочери своего сожаления, не обняла ее и не попыталась хоть как-нибудь успокоить. Нет, наоборот, она доводила и без того расстроенную Сашеньку до истерик, старательно убеждая ее в том, что все может стать еще хуже. Нанеся дочери очередной удар, Сашенькина мать удалялась с чувством полного удовлетворения.

Спустя два года, решив родить второго ребенка, Сашенька твердо решила, что у нее все будет хорошо и без причастий, и абсолютно спокойно родила вторую дочку, здоровую, красивую и крепкую. Это лишний раз убедило ее в том, что нельзя быть такой наивной и внушаемой, нужно правильно настраивать себя, и тогда все обязательно получится. Ведь то же самое

происходит и в церкви, где человек настраивает себя на получение эфемерной помощи свыше, эта мысль укрепляет волю человека, и все складывается совершенно гладко.

Сашенькино мировоззрение кардинально изменилось. Раньше она не задумывалась над тем, почему у других религий тоже мироточат иконы, почему тибетских монахов находят нетленными и благоухающими, как и православных святых, и почему вообще каждая конфессия думает, что в конце всех времен спасутся лишь ее адепты. От ее нелюбви к евреям, так старательно возвращаемой в православии, не осталось и следа. Сашенька разумно решила, что народ, не имеющий своей земли, но сумевший на протяжении веков таким образом выстроить политику других стран, что получил, наконец, свое собственное государство, заслуживает, по крайней мере, уважения.

Сашенька больше не посещала церковь, хотя и имела под рукой все необходимые молитвословы. Она предпочитала общаться с высшим силам у себя дома, не тратя время и деньги на клирикальные спектакли, именуемые в простонародье литургиями.

Лизавета

«Да разве может он понять, в самом деле, что мне нужно!» – с горечью, обидой и презрением думала Лиза Темнова, зарывшись с головой в одеяло. Муж, чмокнув ее в щеку, ушел смотреть футбол, а она изо всех сил пыталась заснуть, старательно направляя свои мысли в мир несбыточных романтических фантазий. Еще совсем недавно, каких-то десять лет назад, эти фантазии были для нее реальностью. Их главный герой, казавшийся Лизе принцем на белом коне, угощал Лизу кокосовыми пирожными, дарил цветы и водил в кафе. Сейчас он сидит в соседней комнате в перекошенной футболке и обвисших трениках, с головой погрузившись в футбольные страсти. Белый конь ускакал, романтика умерла, а принц обленился и раздобрел. Конечно, Лиза все еще любит его, ей по-прежнему уютно и комфортно в его обществе. Он умный и начитанный, заботливый отец, но...

Лиза прекрасно знала, что именно это «но» разбивает тысячи семей на свете, стоит только проявить нетерпимость. Поэтому она и проявляла чрезмерную толерантность к неспособности мужа доставить ей совершенно обычное женское удовольствие. Иногда она принимала это как данность, иногда плакала, иногда высказывала дражайшему все, что думает на этот счет, но тот равнодушно разводил руками. Зато, в отместку мужу и как будто бы в ответ на это равнодушие, Лиза каждую ночь смотрела романтико-эротические сны с таинственными незнакомцами и собой в главной роли. Это, конечно же, не спасало ее от жутких депрессий, настигающих всех женщин в подобном положении, но совершенно никакого выхода из данной ситуации Лиза не видела. С женским здоровьем у нее все было в полном порядке, а ходить по семейным психологам она считала лишней тратой денег. Одно время Лиза думала завести кого-нибудь на стороне, но, будучи человеком рациональным и прагматичным, отмела этот вариант, требующий значительных затрат душевных и физических сил. И то, и другое она берегла только для своих детей. Походы в церковь не приносили облегчения, поскольку православие низводит женщину до уровня домработницы и мужниной obsługi, пропагандируя смирение, а Лиза и так уже много лет смирялась с проблемой, получая в ответ от своей физиологии скачки давления и истерики.

Как и тысячи других женщин, Лизавета, наконец, уснула, зарывшись в одеяло и жалея себя, уснула, чтобы погрузиться в сладкие грезы о несбыточном женском счастье.

Дочки-матери

Нина осталась без матери, когда ей было немногим больше восемнадцати лет, осталась с тремя младшими сестрами и братом-инвалидом на руках. Все младшие оказались именно на ее попечении, поскольку отец женился во второй раз и выгнал детей из дома.

Нина выросла в большой крестьянской семье, для которой были чужды мещанские сюсюканья, баловство, теплое молоко и сказки перед сном. Ее мать, малограмотная, но добрая женщина, перенесшая ужасы фашистского концлагеря и смерть трех малолетних детей, рано потеряла здоровье и возможность излить на дочерей свою материнскую любовь и нежность. Отец был работягой, хозяином, внимательно следившим за тем, чтобы не текла крыша, трактор был на ходу, а у детей всегда были теплые шапки и валенки на зиму. Но, как и любой хозяин-самодур, не терпел, когда ему говорили что-то поперек его воли или решались вдруг послушаться.

Именно поэтому Нина, три ее сестры и брат оказались предоставлены самим себе, как только в их дом вошла новая хозяйка. Не избалованность Нины жизнью сыграла ей на руку, поскольку подобные испытания для менее выносливой барышни оказались бы критическими и чреватыми расстройством нервов. Нина была по-крестьянски здоровым коллективным человеком, всегда принимала активное участие в культурно-массовых мероприятиях родного города, будь то лыжный забег или слет сандружинниц. Поскольку для равновесия таким людям нужен спутник, обладающий противоположными качествами, то еще в школе Нина присмотрела для себя подходящего кандидата, юношу покладистого и спокойного.

Изначально Нина решила, что в ее семье все будет не так, как было у родителей. Все будет гораздо теплее, сердечнее и одновременно прогрессивнее, поскольку на дворе была уже вторая половина двадцатого века, а в магазинах – огромное количество книг по психологии и развитию ребенка. Однако оказалось, что состыковать эти два полюса крайне сложно. С одной стороны, Нина стремилась уделять своей дочери достаточно времени, а с другой стороны, его у Нины не было, поскольку она работала днем и училась вечером. В душе она, наверное, радовалась успехам девочки, красиво сшитой подушечке или изящному рисунку, но похвалить ребенка ей не позволяли строгие наущения какого-нибудь гуру семейной психологии. Нинино сердце просило потискать или приласкать дочь, но Нина немедленно вспоминала об опасности тактильного контакта с ребенком, грозящего развитием у последнего онанизма. А может, ей и на самом деле было неинтересно... В общем, при выборе приоритетного направления в воспитании дочери, Нина склонилась в пользу разума, а не сердца, что оказалось грубейшей ошибкой и повлекло за собой серию обид и разочарований.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.